

евгений пронин

Историк. Момент ИСТИНЫ

евгений пронин

Историк. Момент истины

«Автор»

2026

пронин е.

Историк. Момент истины / е. пронин — «Автор», 2026

Продолжение цикла Историк. Книга третья "Момент истины". Кандидат наук Краев из 21 века попадает в в начало 20 века. Его знания позволяют ему попытаться изменить ход истории. Не допустить кровопролития и гражданской войны. Получится у него или нет...? Он уже стал одним из руководителей молодой республики советов. Активность Краева оценивается лидерами страны по разному. У него появляются враги, но и покровители.

© пронин е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9

евгений пронин

Историк. Момент истины

Глава 1

Историк. Момент истины

Глава первая. Анатомия власти

Москва. Кремль. 20 мая 1918 года. Утро.

Весна в Москве наступала неохотно, цепляясь за булыжные мостовые грязным снегом пополам с конским навозом. Двадцатое число, а на улицах по-прежнему пахнет талым снегом и угольной пылью. Весна словно застряла в ледяном заторе где-то под Тверью и никак не может докатиться до Садового кольца. Но внутри Кремля весна пахла свежей типографской краской, озоном от искрящихся контактов «вертушки» и крепким чаем без сахара. Воздух был наэлектризован напряжением людей, которые поняли: они удержались у края пропасти, но теперь им нужно научиться ходить по канату над бездной.

Я сидел в кресле для посетителей напротив стола Ленина. В отличие от прошлых встреч, сегодня здесь было почти уютно. Не хватало только запаха табака, Ильич запретил курить в его кабинете по настоянию врачей.

— Вы заставляете меня чувствовать себя царем Алексеем Михайловичем, Александр Владимирович, — Ленин откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы на животе. Его взгляд, обычно колючий и пронзительный, сейчас казался тяжелым, как свинец. — Тишайшим государем, обложившим народ налогом.

Я позволил себе слабую улыбку.

— Налог продналогом, Владимир Ильич, а суть та же. Мужик должен знать, что у него останется. Иначе он будет прятать зерно до второго пришествия, даже если вы расстреляете каждого десятого комиссара-продотрядовца.

Ленин хмыкнул. Сухой, лающий смешок человека, который давно разучился смеяться искренне.

— Бухарин вчера опять брызгал слюной на заседании ЦК. Кричал о реставрации капитализма. Говорит, мы предаем идеалы Октября ради мешка картошки.

— Идеология хорошо горит в буржуйке, Владимир Ильич, — спокойно ответил я. — А вот чугунная печка греет лучше. Крестьянин везет хлеб не потому, что полюбил Советскую власть. Он понял арифметику: сдать излишки государству дешевле, чем прятать их в лесу под страхом пули стрелка.

Ленин снял очки и начал протирать стекла бархаткой. Этот жест всегда означал высшую степень сосредоточенности.

— Ваша система работает, Краев, — тихо произнес он. — Деревня затихла. Хлеб пошел. Путиловский дает снаряды. Красин обещает первые американские станки через шведов уже к лету. Вы собрали механизм из обломков империи.

— Механизм собран, Владимир Ильич, — кивнул я. — Но это всё еще часовой механизм. Нам нужен паровой двигатель.

Ленин надел очки обратно. Взгляд стал острым, оценивающим.

— Переходите к сути, Александр Владимирович. Я чувствую, вы пришли не просто доложить об успехах НКГК.

— Пришло время собирать камни, Владимир Ильич, — сказал я, подаваясь вперед. — Армия строится быстрее, чем мы ожидали. Бонч-Бруевич сумел привлечь бывших генштаби-

стов. Внешняя разведка Менжинского начала давать плоды, чехи готовы остаться инженерами на наших заводах, лишь бы не ехать во Францию воевать за Антанту.

Ленин удовлетворенно кивнул:

— Троцкий пишет восторженные депеши из лагерей. Немецкие социал-демократы начали слушать Москву внимательнее.

— Политика налаживается, — согласился я. — Но государство состоит не из лозунгов. Оно состоит из бумаги, чернил и привычки чиновника брать взятки. Наша главная угроза сейчас сидит не в ставке Деникина. Она сидит в кабинетах Наркомпрода, Наркомпути и ВСНХ.

Ленин отложил карандаш. Положил руки перед собой, переплетя пальцы.

— Бюрократия? Саботаж?

— Худшее, Владимир Ильич. Идиотизм. Стихийный, искренний революционный идиотизм, — я открыл свою папку. — У нас есть три наркомата продовольствия. Три! В одном городе! Они пишут друг другу циркуляры, отменяющие распоряжения соседей. Пока товарищ Цюрупа пытается выбить вагон овса для Москвы, товарищ Шлихтер этот вагон арестовывает как спекулятивный. Железнодорожники бастуют, потому что один местный Совет приказал национализировать паровозы, а другой, реквизирует уголь.

— Вы предлагаете мне расстрелять половину Советов ? — усмехнулся Ленин, но глаза его оставались серьезными.

— Я предлагаю создать то, чего боится любая революция, — я посмотрел ему прямо в глаза. — Государственный контроль. Настоящий. Жестокий. Скучный. Мы создали НКГК как орган контроля. Теперь пора дать ему зубы. Мне нужны чрезвычайные полномочия. Право останавливать любой приказ любого наркома, если он противоречит плану выживания страны. Право ставить своего комиссара с правом вето в любое ведомство.

Ленин молчал долго. Очень долго. Он смотрел на меня так, словно видел рентгеновский снимок моего черепа. В этой тишине было слышно, как тикают часы на Спасской башне.

— Вы просите пост вице-диктатора, — наконец произнес он. Голос вождя звучал ровно, лишенный всяких эмоций. — Диктатура здравого смысла. Опасное сочетание, товарищ Краев. Бухарин съест вас живьем вместе с вашими арифмометрами.

— Пусть попробует, — мой голос прозвучал глухо. — Без дисциплины цифр ваши декреты стоят меньше той бумаги, на которой напечатаны. Если мы не введем жесткий учет завтра, осенью нам нечего будет есть. Революция умрет не от штыка белочеха, а от голода рабочих в цехах.

Ленин встал. Прошелся по кабинету. Остановился у карты.

— Хорошо, — выдохнул он. Слово упало тяжело, как камень. — Готовьте проект постановления, Александр Владимирович. Об образовании... скажем... Рабоче-Крестьянской Инспекции (Рабкрин). Объединяем её с вашим контролем. Дадим вам право входа в любой кабинет. Отныне ни одна копейка государственной казны не должна быть потрачена без вашей визы. Но запомните... Он повернулся ко мне резко, всем корпусом. Лицо его стало жестким, желтым от напряжения. — Как только вы начнете проверять работу товарища Сталина или товарища Зиновьева, они съедят вас. Партия не любит контролеров. Вы становитесь самым опасным человеком в Республике после меня.

— Я привык жить опасно, Владимир Ильич, — ответил я.

Ленин подошел ближе. Понизил голос до шепота, хотя в кабинете никого не было: — Вы слишком быстро растёте, Александр Владимирович. Вы, знаете историю наперед. Вы видите связи там, где другие видят хаос. Это пугает многих в ЦК. Особенно тех, кто считает, что управлять государством можно криком с броневика. Берегите спину, товарищ Краев. В политике нож чаще всего входит со стороны друзей.

Он вернулся к столу и нажал кнопку звонка.

— Вызовите машину. Едем в Большой театр. Сегодня премьера. Надо показать массам, что правительство на месте.

Я вышел из здания Кремля. Пальто продувает насквозь, несмотря на байковую подкладку. Город кажется вымершим или тяжело больным. Из булочных на Никольской тянет кислым запахом ржаного хлеба, но людей в очередях мало, стоять на таком ветру нет сил. Все жмутся к стенам домов, прячась от сквозняков, что с воем гоняют мусор по пустым мостовым. Природа окончательно сошла с ума. Сирень в палисадниках так и не распустилась, ее почки скукожились и почернели от бесконечных утренников. Говорят, береза в Подмосковье только вчера выпустила первый лист, недели на три позже обычного. В голове крутились одни и те же мысли. История изменилась. Мы пережили Брест. Пережили голод. Мы отбросили врагов от столиц. Теперь начиналось самое страшное и скучное ремесло в мире, строительство государства. И я собирался стать его главным строителем. И мне нужна была поддержка старых большевиков.

Москва. Лубянка. Кабинет Феликса Дзержинского. Поздний вечер.

Феликс Эдмундович стоял у огромной карты западных губерний, исчерченной красными и синими стрелками демаркационной линии Брестского мира. Он выглядел изможденным, под глазами залегли глубокие тени, но спина оставалась прямой, как лезвие топора.

— Они лезут везде, — глухо произнес он, водя пальцем по карте вдоль границы с Украиной. — Немцы делают вид, что соблюдают договор, но их разъезды уже за Черниговом. Атаман Краснов получает от них винтовки вагонами через донские степи. Границы нет. Есть дырявое решето.

Я подошел к столу и положил перед ним папку со свежими сводками НКГК.

— Именно поэтому нам нужна граница, Феликс. Настоящая. С колючей проволокой, вышками и пограничными столбами.

Дзержинский хмыкнул, закуривая очередную папиросу.

— Вы предлагаете мне строить таможенные заставы, Александр? У меня не хватает людей, чтобы патрулировать улицы Петрограда, а вы хотите, чтобы я выставил посты на границе?

— Не хочу, — я сел в кресло для посетителей. — Но это неизбежно. Мы подписали мир. Мир означает линию разграничения. А любая линия требует охраны. Проблема сейчас даже не в немцах. Проблема здесь, внутри. Посмотрите эти сводки.

Я подтолкнул к нему бумаги. Дзержинский нахмурился и начал читать. *«...Контрабанда спирта из Финляндии через Выборг...» «...Вывоз золота с Урала через Троцк в Китай силами китайских триад...» «...Спекулятивные поставки мануфактуры из Харбина в Иркутск. Цены завышены в сорок раз...»*

— Пока наши войска воюют на фронтах, — продолжил я, когда он закончил читать, — наш тыл растаскивают мародеры. И самое страшное: они уходят безнаказанно. Через финскую границу, через Среднюю Азию... Они вывозят золото, валюту, произведения искусства. Мы строим армию, а они продают наше оружие полякам.

Дзержинский встал и прошелся по кабинету. Его движения были резкими, нервными.

— Я понимаю вашу мысль, Краев. Нам нужен барьер. Но ставить туда чекистов нельзя.

— Почему? — удивился я.

— Потому что ЧК создана для борьбы с контрреволюцией. Для террора против классовых врагов. Если поставить моего человека на кордон, он начнет расстреливать контрабандиста-контрреволюционера прямо у полосатого столба. А нам нужно собирать пошлину! Нам нужны деньги в казну, а не трупы купцов в оврагах!

Он остановился напротив меня.

— Нам нужна Пограничная стража. Отдельная служба. Которая будет совмещать функции армии и таможни. Чтобы умела стрелять, но при этом понимала курс рубля к марке.

Это было именно то направление мысли, которое я ждал.

— Совершенно верно, Феликс Эдмундович. Но кто её возглавит?

— Думаю поручить Артузову. Или Менжинскому...

— Нет, — я покачал головой. — Это политическая полиция. Нужен военный администратор. Человек системы. Тот, кто понимает логику границ Российской империи лучше, чем тактику уличных боев.

Я выдержал паузу.

— Генерал Потапов. Николай Михайлович.

Дзержинский замер.

— Бывший генерал-квартирмейстер Главного управления Генштаба? Тот самый, который вел переговоры с нами еще до Октября?

— Он самый. Он знает каждый метр границы от Ревеля до Кушки. Знает все тайные тропы, схроны и перевалы. И главное, его уважают старые кадровики. Если начальником Погранслужбы станет Потапов, к нам вернутся сотни офицеров-специалистов, которые сейчас прячутся по уездам.

Дзержинский задумчиво потер переносицу.

— Доверять генералу охрану государственной границы... Товарищи левые эсеры поднимут вой о реставрации царизма.

— Пусть повоюют, — отрезал я. — Эсеры хотят хаоса, потому что в хаосе они, как рыбы в воде. Государственная граница, это порядок. А порядок, это смерть для анархии. Мы дадим Потапову мандат от вашего имени и от лица Наркомвоена. Пусть собирает своих коллег-генштабистов. Объявим мобилизацию бывших пограничников старой армии. Патриоты пойдут служить новой России, если поймут, что защищают землю, а не комиссарский идеализм.

Дзержинский долго молчал, пуская кольца дыма. Затем он улыбнулся — редкая, скупая улыбка больше напоминала оскал хищника.

— А знаете, Краев... Иногда ваша буржуазная логика вызывает у меня желание отправить вас в подвалы Лубянки и проверять Вас самому. Но она работает. Он затушил папиросу. — Хорошо. Готовьте проект декрета. О создании Пограничной охраны Республики. Подчинение двойное: вам по вопросам экономической контрабанды, мне, по вопросам шпионажа и перелома границ врагами. Потапова ко мне завтра на восемь утра. Будем ломать его принципы.

В дверь постучали. На пороге появился секретарь:

— Владимир Ильич просит вас обоих зайти. Завтра.

Мы переглянулись. Ленин вызывал нас вместе редко. Обычно это означало либо грандиозный успех, либо грандиозную катастрофу.

Глава 2

Глава вторая. Чистка

Москва. 22 мая 1918 года. Утро. Кабинет Краева.

Тишина в кабинете была обманчивой. За этими толстыми стенами шла война на уничтожение. Не та, что ведется штыками в окопах под Нарвой, а тихая, вязкая война бюрократов, саботажников и идеологических фанатиков.

Я сидел над грудой папок, которые мои инспекторы притащили из здания Наркомпрода на Большой Дмитровке. Это была анатомия воровства. Красивая, системная, почти изящная.

— Товарищ Краев! — ко мне подошел начальник следственной группы. Лицо его было серым от недосыпа. — По вашим спискам... Вот. Он положил передо мной документ. «Требо-
вание на выдачу мануфактуры для нужд Петроградского Совета». Подпись: *Григорий Зиновьев*. Внизу стояла виза выдачи: десять тысяч аршин сукна английского производства. Проблема заключалась в том, что по данным железнодорожных накладных это сукно до Питера не дое-
хало. Вагон растворился где-то между Тверью и Малой Вишерой.

Я взял бумагу. Пальцы не дрожали. Эмоции выгорели дотла, осталась только холодная механика правосудия.

— Где вагон? — спросил я тихо.

— На станции Бологое. Стоит третьи сутки. Сукно перегружают в частные подводы и везут на Сухаревку.

— Кто перегружает?

— Местный Совет. Председатель, левый эсер. Охрана, анархисты.

Я снял трубку полевого телефона прямой связи с ВЧК.

— Дзержинского. Лично.

Через секунду в трубке раздался знакомый сухой голос:

— Феликс Эдмундович. Краев. У меня тут подарок для вас. Полный пульман англий-
ской шерсти. Отправитель, товарищ Зиновьев. Получатель, спекулянты Бологое. Да, прямо
сейчас выезжайте. И пусть ваши люди возьмут пулеметы. Нет, расстреливать не надо. Просто
публично опишите имущество председателя местного Совета. До исподнего. А вагон гоните
сюда. Лично встретим.

Положив трубку, я посмотрел на своих сотрудников.

— Видите этот лист? — я поднял требование вверх. — Это предательство революции.
Не потому, что Зиновьев хочет шубу для своей дамы. А потому что пока он ворует английское
сукно, рабочий Путиловского стоит голый у станка. Тот, кто крадет у Республики в военное
время, ничем не отличается от дезертира. Запомните это правило номер один.

Телефон на столе затрещал снова. Аппарат прямой связи с Кремлем.

— Краев слушает. — Александр Владимирович, — голос Ленина был сух, как осенняя
листва. — Я распорядился поднять архивы Департамента полиции и Корпуса жандармов. Они
у вас?

— Так точно, Владимир Ильич. Мои люди вывезли всё ночью из бывших охранных отде-
лений. Списки филёров, картотеки агентов.

— Жду вас через час. Принесите списки всех офицеров Генштаба, инженеров-путейцев
и химиков, чьи фамилии там значатся. Всех, кого мы выкинули со службы как «бывших». Нам
нужно вернуть их. Любым способом. Если нужно, дайте гарантии неприкосновенности. Без
мозгов мы проиграем войну умов Западу ещё до начала боевых действий.

Связь оборвалась.

Я откинулся в кресле. Вернуть врагов обратно в строй... Это будет сложнее, чем брать
Зимний. Но без инженеров наши железные дороги останутся просто кучей ржавого железа.

Дверь кабинета распахнулась резко. На пороге стоял Николай Иванович Бухарин. Он выглядел так, словно пробежал марафон: волосы растрепаны, глаза горят нездоровым блеском идейного экстаза.

— Товарищ Краев! — начал он с порога высоким, звенящим голосом. — Я требую объяснений! Ваши методы дискредитируют идею рабочего контроля! Обыски у представителей фабзавкомов...

Я медленно встал из-за стола. Ростом я был выше него, и нависать умел неплохо.

— Рабочий контроль, Николай Иванович, — произнес я очень тихо, отчего слова звучали тяжелее удара молота. — Это когда рабочий контролирует производство. А когда председатель завкома тащит домой казённые сапоги, это называется кражей. Социализм начинается с учёта. Пока ваш любимый пролетарий прячет гвозди в карман, чтобы обменять их на самогон, никакой коммунизм невозможен. Смиритесь.

Бухарин побледнел. Он открыл рот, чтобы возразить, но встретился со мной взглядом и осёкся. Понял, что проповедовать Маркса человеку, который держит в руках папку с доказательствами хищений его сторонников, плохая идея.

— Передайте своим людям, — сказал я ровным голосом, глядя ему в переносицу. — Либо они работают по моим инструкциям, либо идут рыть окопы. Выбор простой. Революционная дисциплина или трибунал.

Когда дверь за ним захлопнулась с грохотом, я позволил себе улыбку.

Через полчаса курьер принес запечатанный пакет из Кремля. Внутри лежал бланк постановления Совнаркома, подписанный размашистым почерком Ленина.

«О создании Центральной Контрольной Комиссии (ЦКК-РКИ). Председателем назначается тов. А.В. Краёв. Наделается полномочиями Ревизора Республики...»

Я смотрел на подпись. Тяжело нести корону, которую ты сам выковал. Но выбора не было.

Я вызвал дежурного.

— Соедините меня с Московским военным округом. Мне нужен генерал Бонч-Бруевич. И найдите телефон товарища Фрунзе в Иваново-Вознесенске. Пусть бросает свои митинги и едет в Москву. У нас скоро начнется большая чистка.

Москва. Кремль. Кабинет Председателя Совнаркома. 22 мая 1918 года.

Я сидел за длинным столом напротив Владимира Ильича. Напротив меня, расположились Дзержинский и Михаил Бонч-Бруевич. Мы больше не были заговорщиками, спасающими тонущий корабль. Мы стали инженерами государства, которое начало дышать самостоятельно.

— Итак, товарищи, — Ленин потер воспаленные глаза. — Самара держится. Казань мы удержали. Но это затишье перед бурей. Деникин собирает силы на Дону. Краснов получает оружие через Украину. Они думают, что Советская власть висит на волоске.

Я посмотрел на свои записи НКГК. На самом деле ситуация была обратной: белые думали, что бьют нас, но на самом деле они били по воздуху.

— Владимир Ильич, — начал я, раскрывая папку. — Военная угроза со стороны корпуса нейтрализована. Благодаря работе наших агитаторов среди легионеров и тому факту, что мы платим тем, кто перешел к нам на службу, большая часть чехословаков сейчас либо охраняет Транссиб вместе с нами, либо работает мастерами на заводах Урала. Корпус расколот изнутри. Мятежа не будет.

Ленин удовлетворенно кивнул:

— Это ваша заслуга, товарищ Краев. Вы купили их лояльность дешевле, чем Троцкий покупает лозунги.

— Однако враг внутри страны никуда не делся, — вступил в разговор Дзержинский. Его голос звучал сухо и ровно. — Кулаки саботируют продналог. Эсеры поднимают головы в Поволжье. Им кажется, что наша слабость дает им шанс.

— Ошибаются, — жестко произнес я. — Крестьянство с нами. Не из-за любви к большевикам, Феликс Эдмундович. Из-за жадности. Я положил на стол сводку продовольственного отдела. — Продналог сработал. Деревня выбрала синицу в руках. Белые предлагают землю? Ложь. Белые вернут помещиков. А наш налог понятен и конечен. Поэтому казаки Деникина воюют сами по себе, а мужики сидят по хатам. Массового крестьянского бунта против нас нет.

Ленин прищурился:

— Значит, единственная реальная сила врага — это офицерские полки Добровольческой армии?

— Именно, — кивнул я. — Профессиональные военные. Злые, голодные до власти и отлично умеющие воевать. Противопоставить им толпы добровольцев-романтиков, значит положить их в землю за неделю.

Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич подался вперед:

— Нам нужна армия призывников, Александр Владимирович. Добровольцы закончились. Нужна всеобщая воинская обязанность.

— Если объявить мобилизацию открыто, крестьянин решит, что мы возвращаем рекрутчину, — возразил я. — Он возьмет обрез и уйдет в лес.

— Так что предлагаешь? — резко спросил Ленин.

— Экономика, Владимир Ильич, — ответил я. — Всеобщая воинская повинность вводится... но повестка становится пропуском в лучшую жизнь. Мы вводим систему льгот. Семья призванного красноармейца получает освобождение от половины налога и право внеочередной покупки дефицитных товаров, керосина, мануфактуры, гвоздей. Служба в РККА становится привилегией выживания. Кто служит, тот ест досыта. Кто прячется, умирает от голода или идет под трибунал.

Ленин слушал внимательно, постукивая карандашом по столу. Затем усмехнулся:

— Купить солдата привилегиями его семьи... Гениально цинично, товарищ Краёв. По-большевистски.

— Это честный обмен, Владимир Ильич. Кровь в обмен на гарантию жизни для его детей.

Ленин взял красный карандаш и сделал пометку в блокноте.

— Готовьте декрет о всеобщей трудовой и воинской повинности. Свердлов поможет с пропагандой среди рабочих.

Дзержинский кашлянул, привлекая внимание.

— Есть еще одна дыра, Владимир Ильич. Граница. Он бросил на стол стопку телеграмм. — Контрабанда цветет махровым цветом. Через финскую границу течет спирт и золото, через Юг лезут офицеры. Наши люди ловят шпионов сотнями, но поток не прекращается. Старая таможня сгнила, новой толком нет.

— Что предлагаете? — Ленин перевел взгляд на председателя ВЧК.

— Создать Пограничную охрану НКВД, — твердо сказал Дзержинский. — Отдельную структуру. Не чекистов с маузерами, а пограничную стражу. С вышками, собаками и линейной дисциплиной.

— Кадры где возьмете? — поинтересовался я. — Ваших людей мало, а учить зеленых курсантов некогда.

— Возьмем у вас, — повернулся ко мне Дзержинский. — Тех самых бывших унтеров и офицеров погранстражи, которых вы используете в своей инспекции. Пусть меняют чернильницы на винтовки.

— Согласен, — кивнул я. — Охрана границы требует специфических навыков. Засады, дозоры, агентурная работа среди контрабандистов. Предлагаю начальником назначить генерала Потапова. Старый служака, профессионал, ненавидит хаос. Подчинение двойное: вам по оперативной части, мне — по снабжению и кадрам.

Ленин поднялся и прошелся по кабинету. Тень от его фигуры металась по стене.

— Хорошо, — произнес он глухо. — Оформляйте декреты. И поторопитесь.

Он подошел к карте России, висящей на стене. Обвел пальцем линию Волги.

— Самара держится чудом, — тихо произнес Ленин. — Если Деникин прорвется к Царыну, мы потеряем нефть Баку.